

«НАЦИОНАЛЬНОЕ РАВНОПРАВие» В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ЛОВУШКИ*

Статья посвящена общим перспективам и возможным траекториям осмысления в российских публичных дискуссиях равенства и недискриминации по этническому признаку¹. При обращении к такой теме приходится задавать достаточно широкие рамки рассмотрения, в частности говорить обо всех аспектах равенства, а не просто о противодействии дискриминации, поскольку последняя в России почти не обсуждается².

Ниже речь пойдет не о любых официальных и неофициальных текстах, содержащих общие отсылки к равенству и недискриминации в этническом контексте (таких немало), а о попытках концептуализировать равенство по этническому признаку или найти в этой области практические решения. При этом в данном случае нет смысла анализировать конкретные антидискриминационные проекты, которые в настоящее время можно пересчитать по пальцам одной руки и которые пока что не оказывают существенного влияния ни на общественные дебаты, ни на практики³.

Тема равенства по этническому признаку в том или ином виде по ряду причин не может не присутствовать в публичной повестке дня. Упомяну в этой связи хотя бы потенциальное влияние глобальных дискуссий о расовой дискриминации, а также давление международных организаций и традицию говорения о «национальном равноправии», восходящую к левому, в том числе марксистскому движению начала XX в. и унаследованную советской властью.

Здесь нет нужды останавливаться на том, насколько подобные дебаты значимы с академической и практической точек зрения. Обеспечение равенства по этническому признаку, с одной стороны, есть один из компонентов социального равенства в целом и, следовательно, стимул развития правовой мысли и правовых механизмов. С другой – оно служит одним из возможных подходов к концептуализации этнической неоднородности общества и потенциально влияет на состояние общественного сознания и практик в области, описываемой в марксистской традиции как «национальный вопрос». Концепты равенства и недискриминации могут служить отправными точками для выстраивания объяснительных моделей, политических программ или правовых механизмов, то есть выполнять когнитивные, нормативные и проектные функции. В случае России интересно, с одной стороны, каким образом дискурсы равенства могут повлиять на публичное осмысление этнических проблем, с другой – как это с практической точки зрения скажется на защищенности индивида от различных форм дискриминации и агрессии.

Равенство является очень сложным и по-разному трактуемым концептом. Так, к примеру, М. Макивен указывает на сосуществование в современной правовой и политической теории четырех совершенно разных подходов к истолкованию равенства⁴. Противодействие дискриминации не тождественно равенству и должно рассматриваться как один, хотя и самый существенный из его компонентов. Дискриминация неодинаково трактуется в международных договорах, национальных законах, практике судов (в том числе Европейского суда по правам человека) и в академической дискуссии. Суммируя различные подходы, под расовой или этнической дискриминацией в самом общем виде можно понимать проведение различий по расовому, этническому или сходным признакам, носящее произвольный и необоснованный характер и имеющее неблагоприятные последствия для одной из сторон (физических лиц или организаций), между которыми

---

* Опубликовано в: Россия в постсоциалистическом мире. М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2006. С.116-126.

проводится различие. Таким образом, само по себе проведение различий не является дискриминацией; требуется наличие других признаков.

Равенство по этническому признаку как тематическая область имеет весьма нечеткие и подвижные границы. Ее ядром являются вопросы дискриминации; по устоявшейся традиции, отдельно от ненасильственной дискриминации рассматривают насилие по мотивам этнической или расовой ненависти, а также вербальные акты, в российском праве обозначаемые как разжигание или возбуждение расовой или этнической вражды. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а также ряд других инструментов по правам человека рассматривают насильственную и вербальную агрессию вместе и наравне с собственно дискриминацией. Соответственно, проблематику этнического насилия и возбуждения этнической вражды затруднительно отделить от вопросов обеспечения равенства. Кроме того, проблематика обеспечения равенства кроме противодействия дискриминации может включать другие интерпретации и/или элементы.

При обсуждении равенства по этническому признаку возникают две далеко не новые и без преувеличения глобальные проблемы.

Первая – это то, что можно назвать методологическим этноцентризмом. Я предлагаю использовать это понятие в значении восприятия этнической группы в качестве отправной точки и основной объяснительной категории при анализе социальной реальности. При таком подходе «этническое» воспринимается как сущностная и объективная характеристика индивидов и коллективов; «этнические» черты автоматически приписываются особенностям поведения, мышления, культуры, образа жизни, тех или иных форм деятельности и пр. Этнические группы воспринимаются как социальные организмы и субъекты общественных отношений, как некая самоочевидная данность. Как правило, такое восприятие характерно для сторонников парадигмы, известной как эссенциализм и основанной на умозрительном «овеществлении» социальных интеракций. То, что называется «этничностью», воспринимается и описывается не как возникающее в отношениях между людьми и в представлениях об этих отношениях, а само по себе, как некая объективно существующая субстанция⁵. Однако молчаливые допущения в эссенциалистском духе используют сторонники иных парадигм. Проблема в значительной степени заключается в том, что такие представления чаще не артикулируются открыто, а воспринимаются как данность по умолчанию и нерелективно.

Методологический этноцентризм имеет несколько проявлений, из которых в данном случае особо важен культурдетерминизм – стремление объяснять социальные феномены посредством отсылок к категории *культуры*, которая при этом воспринимается как устойчивая система норм, являющаяся атрибутом определенной группы, т.е. как этническая культура⁶.

Вторая проблема связана с возможностью обсуждения проблематики недискриминации и равенства на индивидуальном и групповом уровне. Есть две крайние позиции. Одна – это рассмотрение дискриминации как формы индивидуального поведения, вызванного субъективно-личностными обстоятельствами, прежде всего предубеждением (*prejudice-based discrimination*)⁷. Эта наиболее старая объяснительная модель оказывается непригодной для адекватного описания большинства дискриминационных практик, в частности из-за игнорирования феноменов социально-структурного характера. Другая, преобладающая крайность заключается в интерпретации структурного неравенства, т.е. неравенства вызванного спонтанными процессами – неравным распределением социального капитала – как «дискриминации». Сбалансированные модели, основанные на признании дискриминации в качестве осознанного виновного поведения, которое, с одной стороны, идентифицируется и может повлечь за собой меры пресечения и ответственности, а с другой – имеет институциональные основания, оказываются не самым ликвидным товаром и в глобальном масштабе уступают по популярности сползанию к одной из двух крайностей, чаще всего второй.

У разных социальных агентов, причастных к противодействию дискриминации, – государства; предпринимателей, которых государство обязывает пересматривать свои практики работы для устранения дискриминационной составляющей; общественных активистов – имеются мощные стимулы сводить проблематику дискриминации к неравенству между группами и защите «слабых» групп⁸. Наличие или отсутствие дискриминации оценивается по результату – по непропорциональному воздействию на разные расовые или этнические группы. Дискриминация постепенно переосмысливается как этническое измерение социального неравенства, а далее – как отношения «доминирования» и «эксплуатации» между расовыми или этническими группами как таковыми⁹. Это в конечном счете порождает интерпретации и лозунги, напоминающие идеологию классово-борьбы. Особо отмечу то, что истолкование дискриминации как отношений между «доминирующими» и «угнетенными» группами на практике пересекается с методологическим этноцентризмом.

В современной России в тех случаях, когда разные авторы обращаются к проблематике равенства и недискриминации, а также к смежным темам, возникают в различных сочетаниях все перечисленные выше проблемы. Здесь необходима оговорка относительно того, что в российских публичных дискурсах, связанных с этничностью, практически невозможно провести сколько-нибудь четкую границу между разными профессиональными и экспертными сообществами. Представители власти, академические ученые, этнические активисты, правозащитники, как правило, пользуются одним и тем же языком, одинаковыми категориями и сходной постановкой проблем. Более того, одни и те же персонажи в одно и то же время или попеременно выступают в разных ролях. Другая необходимая здесь оговорка касается того, что тема равенства в российских дискурсах, связанных с этничностью, остается маргинальной, и приходится говорить, скорее, не об устоявшихся закономерностях, а о намечающихся траекториях развития дискуссий и осмысления проблемной области в будущем.

Можно достаточно условно выделить четыре реальные и не противоречащие одна другой перспективы обращения к теме равенства и недискриминации в этническом контексте. В академическом отношении они интересны тем, являются ли они продолжением традиционных для России этноцентричных дискурсов, или же предлагают альтернативы. Практические вопросы сводятся главным образом к тому, какие возможности защиты личности от дискриминации и агрессии эти подходы открывают и, наоборот, какие создают риски в этой области.

Перспектива 1. Рассмотрение структурного и символического неравенства как межгрупповых отношений доминирования и подчинения. Теоретически, такой подход должен пользоваться наибольшим спросом, что показывает и мировой опыт. Конкретные дискриминационные деяния зачастую трудно идентифицировать и доказывать. Вместе с тем даже в совокупности отдельные выявленные деяния не объясняют исчерпывающим образом неравенство. Напротив, любое социальное неравенство можно пересчитать по этнической шкале, а это предлагает эффективные и эффективные стратегии конструирования и репрезентации групповых интересов.

Российской публике такой подход знаком: еще в период перестройки символические различия интерпретировались как нарушение «равноправия». Иерархия «национально-государственных образований» (союзная республика – автономная республика – автономная область и т.д.) интерпретировалась как иерархия и, следовательно, неравноправие «народов». Некоторые публицисты расценивали отсутствие у РСФСР своей коммунистической партии и академии наук как ущемление русских. Нечто подобное можно наблюдать и в настоящее время. Хорошим примером могут служить расхожие объяснения того, что наблюдается в некоторых российских республиках. Непропорциональная «представленность» так называемых «титовых» этнических групп в структурах власти и бизнесе описывается в СМИ и некоторых академических публикациях¹⁰ как «этнократия» и «дискриминация», хотя имеющиеся данные позволяют

говорить в основном о спонтанных процессах социальной стратификации, не связанных с идеологией и конкретными стратегиями управления¹¹. Из этого же ряда мнение Р.Г. Абдулатипова, о том, что недостаточное представительство российских национальностей в органах власти само по себе означает их дискриминацию¹².

Вытекающая отсюда поляризованная репрезентация «доминирующих» и «подчиненных» этнических групп может интерпретироваться как продолжение советской и постсоветской традиции. Вместе с тем вполне возможен импорт мультикультуралистской и антирасистской риторики, освоенной в странах Западной Европы и Северной Америки¹³. В практическом плане такой сценарий открывает возможности для лоббирования в пользу этнических организаций, но едва ли для защиты конкретных индивидов.

Что более существенно – подобный подход в конечном счете хорошо вписывается в националистическую повестку дня, или в то, что в ряде стран, в том числе США, именуют «нативизмом». Аргументация в поддержку ущемленных меньшинств вполне может быть повернута в другую сторону – в пользу этнического большинства, якобы страдающего от экспансии меньшинств и «мигрантов». Например, для многих русских националистов Федеральный закон о национально-культурной автономии¹⁴ был и остается доказательством того, что русских в России дискриминируют, а нерусским предоставляют привилегии. Несколько националистических организаций в 1999 г. создали Федеральную русскую национально-культурную автономию; отказ Министерства юстиции РФ зарегистрировать организацию спровоцировал череду заявлений о дискриминации русского народа¹⁵. Иногда в прессе встречается такого рода аргументация: проводимая государством жесткая политика в области миграции и гражданства является дискриминационной и антирусской, поскольку «чужие» жители Кавказа и Средней Азии легко обходят запреты, используя привычные коррупционные приемы, а настоящими жертвами оказываются законопослушные русские¹⁶.

Перспектива 2. Культурные интерпретации индивидуальной агрессии. Этот подход связан главным образом со словом «толерантность», которое вошло в широкий обиход в значительной степени благодаря Федеральной целевой программе по формированию установок толерантного сознания и профилактике экстремизма в российском обществе на 2001–2005 гг.¹⁷, а также проводившимся на ее основе региональным и местным программам и проектам.

Развитие «толерантности» затрагивает вопросы равенства опосредованно, через смежную область, т.е. проблемы вражды и нетерпимости. Такой подход в принципе правомерен и с содержательной, и с формальной точек зрения. С одной стороны, акты дискриминации и агрессии осознанно совершают конкретные люди, и антидискриминационная социальная инженерия не может так или иначе игнорировать необходимость воздействия на общественное сознание. С другой стороны, ряд международных инструментов, в том числе деклараций ЮНЕСКО, прямо требуют от членов мирового сообщества содействовать толерантности и межэтническому диалогу.

Риски возникают в том случае, если акцентирование проблем «толерантности» оборачивается сведением агрессии и дискриминации к индивидуальному поведению, а их причин – к особенностям ментальности и культуры. Тем самым институциональные проблемы просто выносятся за скобки. Сотрудник милиции останавливает людей, которые выглядят как «кавказцы», и проверяет у них документы со всеми вытекающими последствиями не из-за личных антипатий или особенностей воспитания. Дело в существовании паспортной системы, которая создает и стимулы, и возможности для таких проверок. Если при обсуждении проблемы разговор сводится к особенностям «культуры» или уровню «толерантности» сотрудников милиции или «мигрантов», то это равнозначно утверждению о том, что в паспортной системе ничего не нужно менять.

В конкретных российских условиях лозунг поощрения толерантности, кроме того, выступает как часть общей подмены повестки дня или стремления власти обсуждать

этническую проблематику из такой перспективы, которая снимает вопросы об ответственности государства за происходящее. Обращение к категориям «межнациональных отношений» или «конфликтов» позволяет перетолковывать едва ли не все коллизии как продукт спонтанных процессов, естественного соперничества этнических «общин» или индивидов, разделенных «культурной дистанцией». Акцент на проблеме «экстремизма», т.е. политизированной и внесистемной активности, или на трудностях межличностной коммуникации, т.е. проблеме «толерантности», также уводит в сторону дебаты об институциональных основах дискриминации и о роли власти.

Перспектива 3. Культурные интерпретации агрессии и доминирования на групповом уровне. В первом приближении такой подход воплощается в активности, адекватно обозначаемой советским термином «укрепление дружбы народов» и во многом перекликающейся с «поощрением толерантности». Содержательно эта деятельность заключается, во-первых, в публичной позитивной репрезентации различных этнических групп, во-вторых, в инициировании диалога различных этнических организаций при участии органов власти¹⁸. Первая задача решается посредством культурно-просветительских мероприятий вроде «дней города», фестивалей и выставок «национальных культур», концертов и гастролей фольклорных коллективов. Для решения второй организуются «круглые столы», конференции, семинары и пр. Кроме того, заметное направление в работе федеральных и региональных властей – поощрение всевозможных коалиций, представляющих разные этнические группы. Концептуально вся эта деятельность основывается на том, что этнические группы должны быть представлены и должны восприниматься друг другом и широкой публикой не как социальные конкуренты или угроза безопасности, а как носители своеобразных этнических культур. Знакомство с оригинальными традиционными культурами и осознание общности интересов в сохранении этих культур должно, по мысли сторонников такой политики, вытеснять фобии и способствовать социальной стабильности.

Аналогичные подходы широко распространены не только в практической деятельности, но и при создании официальных, медийных и академических нарративов о «национальных отношениях». Результаты такой активности принципиально едва ли поддаются измерению. С одной стороны, подобная политика представляет собой социально приемлемый продукт. С другой стороны, она продолжает закреплять в общественном сознании межэтнические границы и привычку переосмысливать социальное взаимодействие и социальные проблемы как «межэтнические отношения».

Что более существенно – как и в случае с «толерантностью», – разговоры о «толерантности» и «межкультурном диалоге» позволяют уходить от вопросов о структурных основах неравенства или о политике поощрения дискриминации и, напротив, сводить проблемы к морально-поведенческим вопросам или к различиям «культур». Иногда пропаганда «межкультурного диалога» или «толерантности», как и отсылки к угрозе «конфликтов», прямо используется как способ маскировки или оправдания дискриминационной политики¹⁹. Неслучайно, большую активность в поощрении «дружбы народов» или «толерантности» как раз демонстрируют власти регионов, наименее благополучных с точки зрения поощрения дискриминации или гонений на меньшинства, – Москвы, Кабардино-Балкарской Республики, Краснодарского и Ставропольского краев. С одной стороны, возникает соблазн объяснять и оправдывать этническое насилие, радикальный национализм, дискриминацию, возбуждение этнической вражды как «конфликт» между естественным образом враждующими «общинами». С другой – лозунгом предотвращения «конфликтов» можно оправдать или репрессивные действия против тех или иных проблемных групп, или, наоборот, бездействие и попустительство радикальным группировкам²⁰.

На первый взгляд, обращение к теме «межэтнических отношений» затрагивает тему равенства опосредованно, через такую проблемную область, как агрессия по этническим мотивам. Однако иногда появляются официальные и академические тексты, прямо

увязывающие «межэтнические отношения» и равенство через категорию «развития». Например, в литературе встречаются утверждения, что национально-культурная автономия якобы создает условия для «развития» этносов, а потому как бы компенсирует неблагоприятные условия, в которых оказываются меньшинства, тем самым обеспечивая фактическое равноправие индивидов²¹ и даже «народов»²². Авторы Пояснительной записки к проекту Федерального закона о национально-культурной автономии, составленной ко второму чтению (апрель 1996 г.), определили направленность проекта как «обеспечение фактического равноправия лиц, принадлежащих к различным этническим общностям»²³. Возникает риторический вопрос: какое отношение самодеятельные культурные общества и этнокультурные проекты могут иметь к обеспечению равенства и недискриминации в целом – в области трудовых отношений, в доступе к государственной службе, в жилищных отношениях и пр. Тем не менее представители власти прямо подменяют проблему защиты от дискриминации вопросами «национально-культурного развития»²⁴.

Перспектива 4. Уклонение от концептуальных вопросов. Эта возможность в значительной степени связана с тем, что проблемы этнического насилия и ксенофобии в силу своей остроты и наглядности заслоняют более сложные проявления ненасильственной дискриминации. Проявляется эта возможность в двух формах.

Одна – это апелляция общего плана к государству с требованием пресечь деятельность группировок крайнего толка и СМИ, разжигающих этническую вражду²⁵. Формально такой подход правомерен – преследование в уголовном порядке общественно-опасных деяний должно быть прерогативой государства. Такой подход имеет побочные эффекты. Во-первых, инициатива отдается в руки государства, которое получает возможность для манипуляций. Уголовно-правовые нормы, касающиеся дискриминации и возбуждения вражды, по своей природе предполагают избирательное применение, что открывает путь к злоупотреблениям²⁶. Во-вторых, государству предоставляется полная свобода формировать удобную для себя повестку дня, опираясь на категории «экстремизма» и «толерантности».

Другая возможность – просто защита конкретных нарушенных прав граждан одинаковым образом независимо от того, носит ли нарушение дискриминационный характер²⁷. В практическом смысле во многих ситуациях это может быть не особенно существенным, поскольку дискриминацию как таковую сложно идентифицировать, отделить от недискриминационных нарушений, а для жертв нарушений важнее восстановить свои нарушенные права, нежели доказать факт дискриминации. Но при отсутствии концептуального осмысления проблемы дискриминации появляется риск презумпции дискриминационного обращения в отношении меньшинств. Активисты правозащитного движения нередко по умолчанию воспринимают любые проблемы лиц, относящихся к меньшинствам, как дискриминацию или «положение меньшинств»²⁸. Подобный подход переключается со сформулированными выше проблемами 1 и 3.

Таким образом, основные подходы к концептуализации равенства по этническому признаку или попытки практического решения проблем в этой области являются продолжением и порождением советского и постсоветского этноцентричного мировосприятия. Потенциально существует возможность импорта подходов и словаря, используемых западными антирасистскими организациями, но она связана с тем, что подходы современного антирасизма также являются этноцентричными в своей основе. С практической точки зрения существующие дискурсы этнического равенства либо вносят вклад в развитие официальных нарративов «межнациональных отношений», либо затрагивают периферийные проблемы, такие, как ксенофобия и индивидуальная агрессия. При этом проблемы дискриминации, в том числе проводимой или поощряемой государством, или не распознаются, или оправдываются.

Некоторые правозащитные организации²⁹ разрабатывают идейную альтернативу, которая предполагает уход от традиционного этноцентризма и избежание рисков, которые несет в себе импорт подходов западных антирасистских организаций, а именно идей групповых прав, отождествления с дискриминацией структурного неравенства и «восстановления исторической справедливости»³⁰. Имеет ли эта альтернатива шансы, может показать лишь публичная дискуссия, которая пока что эти темы почти не затрагивает.

---

¹ Выражение «национальное равноправие», использованное в заголовке, лишено смысла вне сугубо российского контекста с его языковыми играми и не имеет близких аналогов в лексиконе международных организаций. Здесь оно выступает лишь средством маркировки специфичных российских дискурсов, затрагивающих этническую проблематику и включающих в том или ином виде эгалитаристский компонент.

² Следует отметить, что принципы равноправия закреплены в Конституции и ряде федеральных законов; федеральному законодательству известен сам термин «дискриминация», а в 2003 г. в Уголовном кодексе появилось подобие определения дискриминации. Таким образом, теоретически существуют или могут быть созданы правовые механизмы пресечения дискриминационных деяний, привлечения виновных к ответственности и возмещения причиненного вреда. На практике эти возможности остаются невостребованными и почти не обсуждаются. Для представителей государства дискриминация выглядит как «нарушение» или «ограничение» прав по «национальному признаку» (о чем, например, свидетельствует Концепция национальной политики РФ 1996 г.), т.е. концепт понимается предельно узко и неоперационально. Судебная и административная практика противодействия дискриминации просто отсутствует. Подробнее см. *Осипов А.Г., Сапожников Р.В.* Законодательство Российской Федерации, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации. Справочный материал // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Немецко-русский обмен, 2004. С. 162–208.

³ В последние годы появляются посвященные дискриминации академические публикации, реализуются специальные правозащитные проекты и начинается обсуждение возможности импорта западного опыта. Все эти проявления можно считать признаками того, что ситуация не стоит на месте и развивается, но они слишком малочисленны и изолированы, чтобы рассматривать антидискриминационные дискуссии и практическую деятельность как самостоятельную область.

⁴ *MacEwen M.* Tackling Racism in Europe. An Examination of Anti-Discrimination Law in Practice. Oxford, Washington D.C.: Berg, 1995. P. 17–25.

⁵ Подробнее о парадигмах, используемых при интерпретации этничности, см.: *Малахов В.* Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом «Университет», 2005.

⁶ О традиционном использовании понятия *культура* см. напр.: *Wright S.* The Politicization of ‘Culture’ // *Anthropology Today*. 1998. Vol. 14. № 1. P. 7–15.

⁷ *Feagin J.R., Feagin C.B.* Racial and Ethnic Relations. 7th ed. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2003. P. 14–27; *Pincus F.* From Individual to Structural Discrimination // *Race and Ethnic Conflict: Contending Views on Prejudice, Discrimination, and Ethnviolence* / Ed. by Fred L. Pincus, Howard J. Ehrlich. 2nd ed. Boulder, Colo., 1999. P. 120–124.

⁸ Теперь даже в справочных изданиях можно прочесть, что дискриминация означает неравное обращение с *группами*. См.: *Dictionary of the Social Sciences* / Ed. by Craig Calhoun. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 126. В США рубежом в этом процессе переосмысления стала знаменитая статья О. Фисса: *Fiss O.* Groups and Equal Protection Clause // *Philosophy and Public Affairs*. 1976. Vol. 5. № 2. P. 107–177.

⁹ Такие подходы изложены, напр., в: *Bell D.* Race, Racism, and American Law. 4th ed. Gaithersburg, MD: Aspen Law & Business, 2000; *Feagin J.R., Feagin C.B.* Op.cit.

¹⁰ См., напр.: *Тоценко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003; *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. М.: Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.

¹¹ См., напр.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

¹² Основы национальных и федеративных отношений. М.: Изд. РАГС, 2001. С. 100–101.

¹³ Интересно то, что в некоторых появляющихся в последние годы в России публикациях, посвященных равенству и недискриминации, структурное неравенство уже прямо приравнивается к дискриминации. См.: *Бондарь Н.С., Капранова Ю.В.* Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов: РГУ, 2002. С. 90–91; *Мазин А.* Трудовая дискриминация: болезнь, которую нужно лечить // *Человек и труд*. 2003. № 4. С. 28.

¹⁴ По сути – об этнических общественных объединениях с усеченными по сравнению с «просто» общественными объединениями правами, но с громким титулом.

¹⁵ Кузнецов М. Дискриминация // Независимая газета. 2001. 8 февраля; Севастьянов А. Дискриминация [<http://slavbrother.chat.ru/i42-00-4-r.html>].

¹⁶ Калинина Ю. Покорение Кавказом-2 // Московский Комсомолец. 2001. 9 августа; она же. Мир, дружба, жвачка. Кто и как у нас занимается «кавказской проблемой»? // Московский Комсомолец. 2001. 1 ноября.

¹⁷ Утверждена Постановлением Правительства РФ № 629 от 25 августа 2001 г., но досрочно прекращена в мае 2004 г.

¹⁸ Подробная информация о состоянии дел в регионах приводится, например, в подборке официальных ответов федеральных ведомств и органов государственной власти субъектов федерации на запросы В.Ю. Зорина – государственного министра РФ, отвечавшего за «национальную политику». См.: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: опыт, реализация. 2002 год. К Всероссийскому совещанию в Доме Правительства Российской Федерации 18 апреля 2003 года «О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». Т. I–II. М.: Правительство РФ, 2003.

¹⁹ Например, образец такого рода интерпретации проблемы месхетинских турок в Краснодарском крае: Савва М. Интеграция мигрантов в южно-российском регионе // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 61–74.

²⁰ Подробнее см.: Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45–69.

²¹ Андриченко Л.В. Право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию // Расы и народы. М., 1997. Вып. 24. С. 99–100; Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2003. С. 165; она же. Проблемы совершенствования законодательства о национально-культурной автономии // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции. Москва, 27–28 апреля 2000 г. М., 2001. С. 148–149.

²² Комментарий к Федеральному закону «О национально-культурной автономии» (с приложениями). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 1997. С. 9.

²³ Архив Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Ф.10100. Оп.24п-II. Д.8. Л.75.

²⁴ См. напр.: Владимир Зорин: В России нужен институт уполномоченного по вопросам нацменьшинств и мигрантов (Интервью агентству «Интерфакс» 26 июля 2005 г.) // [http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/22.html?id_issue=11354441].

²⁵ В этом духе работает, например, Московское бюро по правам человека. См.: [<http://www.antirasizm.ru>].

²⁶ Подробнее о том, почему так, см.: Верховский А. Государство против радикального национализма. М.: Центр «Панорама», 2002.

²⁷ Так, например, работает программа Правозащитного центра «Мемориал» «Миграция и право». См.: [<http://refugee.memo.ru>].

²⁸ Такой подход проводится даже в правозащитных текстах аналитического и концептуального характера. См., напр.: Соколов А. Положение национальных меньшинств // Права человека и регионах Российской Федерации. Доклад 2001 г. М.: Московская Хельсинкская группа, 2002. С. 225–267.

²⁹ В настоящее время они объединяются в Российскую антидискриминационную инициативу; это Центр развития демократии и прав человека, «Мемориал», «Юристы за конституционные права и свободы» и др.

³⁰ Отчасти альтернативные представления изложены в: После Дурбана: Всемирная конференция против расизма и российские НПО. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2002.